

ФРАГМЕНТИ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ АНДРІЯ ПЕТРЕНКА – ПЕРШОГО ДИРЕКТОРА УКРАЇНСЬКОГО ТЕАТРУ МІСТА ЛЬВОВА – ЛЬВІВСЬКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРУ (1941–1942)

Світлана Максименко

Про першого директора Українського театру міста Львова¹ (1941–1944) Андрія Аврамовича Петренка (нар. 1881 р., с. Супрунівка, тепер Полтавського р-ну Полтавської обл. – пом. 1957 р., Львів), який працював на цій посаді від 2 липня 1941 р. до 30 червня 1942 р., можна було дізнатися лише з діаспорних видань. Його прізвище згадано в першому томі збірника “Наш театр” у статті колишнього працівника колективу Михайла Івасівки “Український Оперний Театр у Львові”. Там, зокрема, написано: “До 1942 р. адм.[іністративним] дир.[ектором] був А. Петренко, а від 1942 В. Блавацький”². Єдиною ширшою згадкою, присвяченою А. Петренкові, є коротка стаття (очевидно, некролог) Володимира Дорошенка, надрукована 5 грудня 1958 р. в газеті “Свобода” (США) і передрукована в другому томі цього ж збірника. У ній, зокрема, написано: “Андрій Аврамович Петренко народився на Полтавщині. Перед першою світовою війною служив на Сибірі бухгалтером при головному управлінні будівництва далекосхідних залізниць. Повернувшись у часах визвольних змагань на Україну, брав діяльну участь у них і був, між іншим, членом дипломатичної місії УНР при уряді незалежної тоді Грузинської республіки в Тифлісі. З навалою большевиків на Україну виїхав на Захід і осів у Львові, де брав діяльну участь у праці місцевої наддніпрянської колонії, зокрема в Товаристві Допомоги емігрантам з Великої України та у Видавничій Кооперативі “Хортиця”, де був одним із директорів. Упродовж пару десятків років працював при Централі Т[овариства] “Просвіта”, де займав під кінець відповідальне

становище. За часів большевицької інвазії на Галичину в 1939–1940 рр., а потім у часах німецької окупації в 1941–1943 рр. [насправді 1941–1942 рр. – С. М.] був директором-адміністратором Великого Театру у Львові [йдеться про колишню назву приміщення, в якому грав у 1941–1944 рр. Український театр міста Львова – Львівський оперний театр. – С. М.]. Виїхавши перед другим приходом большевиків до Відня, попав там у лабету НКВД і був вивезений звідти на далеке заслання, з якого повернувся незадовго перед смертю до Львова, фізично цілковито знищений”³. Про А. Петренка згадано в книжці відомого українського театрознавця В. Ревуцького (Канада) “В орбіті світового театру”⁴ та у “Спогадах” Володимира Блавацького, вміщених у ній.

2003 р. Богдан Козак у статті “Палімпсест українського «Гамлета»: переклад і прapем’єра 1943 року” порушив питання про час перебування А. Петренка на посаді директора Українського театру міста Львова називаючи різні дати, подані в кількох джерелах. В. Ревуцький подає дату приходу В. Блавацького на посаду директора – 1 січня 1942 року⁵. Подібну думку висловлює й М. Івасівка⁶. Проте ця інформація викликає сумнів, оскільки в травневому числі “Наших днів” (1942) у рубриці “Хроніка” повідомлялося: “Взагалі Львівський оперний театр... – це така організація, яка під керівництвом досвідченого директора А. Петренка прямує до щораз більших висот”. Як бачимо, А. Петренко у травні ще був директором. Вірогідно, що він обіймав цю посаду аж до кінця грудня 1942 р., оскільки відомості про те, що В. Блавацький є директором ЛОТУ,

знаходимо у пресі лише на початку 1943 р.⁷. Насправді А. Петренка, як це видно з його зізнання, наведеного вище, звільнили 30 червня 1942 р.

У запропонованій розвідці вперше подаємо на основі архівних матеріалів віднайдені нами факти з життя й діяльності, зокрема в ЛОТі в 1941–1942 рр., Андрія Аврамовича Петренка. Вдалося розшукати кримінальну справу Андрія Петренка під номером П-32262, яка зберігається в Державному архіві Львівської області (далі – ДАЛО). Вона, будучи так само абсурдно-трагічною за своєю суттю, як і звинувачення багатьох працівників сцени 1941–1944 рр., проливає, однак, світло на деякі невідомі досі обставини діяльності театру в зазначений період. З цитованих нижче фрагментів постає образ неординарної особистості – діяльної, національно свідомої, відповідальної, освіченої, талановитої. Обставини тоталітарних режимів (радянського та нацистського), в яких довелося жити й працювати нашому героєві, спричинили викреслення його імені з історії вітчизняної культури. Фрагменти вперше оприлюдненої нами кримінальної справи є безцінним документом і свідченням про особливості діяльності ЛОТу в роки Другої світової війни. Документи подаємо мовою оригіналу (радянські слідчі послугували лише “государственным языком”; тим більше, що А. Петренко міг вести діалог російською мовою як колишній російський підданий, який навчався в російських школах і до 1920 р. жив у російськомовному середовищі). Як зрозуміло зі справи, радянські “правозахисники” засудили безвинну людину – доказів його співпраці з німцями не було наведено.

29 серпня 1947 р. у Львові працівники МДБ (майже одночасно з Й. Стадником, якого було заарештовано 7 серпня 1947 р.) заарештували Андрія Петренка. В обвинувальному висновку справи зазначено: “речових доказів по справі нема”⁸.

“Я, ст. следователь Следчасти МГБ УССР – ст. лейтенант Швыдкий, рассмотрев след-дело № 5612 по обвинению Петренко Андрея Аврамовича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 54-1 “а” и 54-11 УК УССР, Нашел:

Петренко А. А., будучи враждебно настроен против Советской власти, в 1919–1920 гг. служил в петлюровском консульстве “УНР” при меньшевистском правительстве Грузии. После разгрома “УНР” в начале декабря 1920 года обвиняемый Петренко вместе с другими украинскими националистами бежал в Италию, а с 1925 по 1939 гг., проживая на территории Западной Украины, в г. Львове, состоял в петлюровской организации УДК (украинский допомогый комитет) и одновременно в указанный период работал администратором издательства националистического общества “Просвита”. Оставаясь проживать в оккупированном немцами г. Львове, работал директором оперного театра, коллектив которого ставил антисоветские постановки. В момент изгнания немецкой армии бежал с последней на территорию Чехословакии, где и был задержан. Руководствуясь п. 9 приказа МВД-МГБ и Генерального прокурора СССР N 00279(00108) 72 сс. от 16 марта 1948 года,

ПОСТАНОВИЛ:

Петренко Андрея Аврамовича после определения ему меры наказания направить в Особый лагерь МВД СССР.

Ст. следователь следчасти МГБ УССР Ст. лейтенант Швыдкий [підпис. – С. М.]

Согласны [підписи. – С. М.]⁹.

До такого висновку, після семи місяців допитів, ведення слідства, прийшли “поборники законності” в УРСР. Вироку передували численні допити. Спочатку – як “затриманого” (1945), а пізніше, у 1947 р. – як заарештованого. У них – докладна, “згадана” під тиском “правопорядку” детальна хронологія життя і творчості. Ось вона:

“Протокол допроса задержанного Петренко А. А. [...]”

22 мая 1945 г. Допрос начат в 9 час. 45 мин.

Вопрос: С какого времени Вы проживали в Вене?

Ответ: В Вене я проживал с августа 1944 года. До этого, с момента эмиграции из России в 1920 г. проживал во Львове.

Вопрос: Где Вы¹⁰ проживали и работали в России до Октябрьской революции?

Ответ: До 1913 г. вместе с родителями проживал в Полтаве, затем, получив сред-

нее образование, поступил работать конторщиком на Киевско-Полтавскую железную дорогу. В том же 1913 г. по вызову начальника технического отдела правления постройки Аченско-Метушинской железной дороги я выехал в Москву. [кінець с. 17, підпис Петренка, с. 18. – С. М.]. Проработав там счетоводом 6 месяцев, совместно с правлением переехал в Петербург и продолжал там работать. Одновременно учился в коммерческом институте на экономическо-бухгалтерском факультете. В марте 1914 г. выехал в Ачинско-Метушинское правление дороги, дислоцировавшееся в Красноярске, и до конца октября того же года работал в должности бухгалтера. В последних числах октября 1914 г. выехал в Сочи на постройку Черноморской железной дороги, где был старшим счетоводом. В марте 1918 г., в связи с болезнью матери, я получил отпуск и выехал в Полтаву.

Вопрос: Как Вы могли проехать из Сочи в Полтаву, оккупированную к тому времени немцами?

Ответ: До станции Днепропетровск доехал эшелон, перевозившим части Красной Армии. На этой станции мне стало известно, что дальше ехать нельзя, так как с Севера наступают немецкие войска. Я тогда принял решение остановиться в одной из деревень до прихода немцев, а затем по оккупированной территории добраться до Полтавы, что и было мною осуществлено.

Вопрос: Сколько времени Вы проживали в Полтаве?

Ответ: В Полтаве я проживал с марта 1918 по август 1919 года. После приезда явился в Полицию для регистрации, где заявил, что прибыл из Сочи и больше не имею намерения туда возвращаться. Получив документы на право жительства, я по поручению Украинского [кінець с. 18, підпис Петренка, с. 19. – С. М.] националистического общества “Просвіта” выехал в Киевский драмтеатр, имея в виду получить там помощь в создании театра в Полтаве¹¹.

Из Киева привез около 60 [? – С. М.] артистов и, организовав театр, я стал его директором. С приходом советских войск¹² меня назначили заведующим труппы пер-

вого советско-украинского театра. В этой должности работал до 28 июля 1919 года, то есть до момента занятия Полтавы денкинскими войсками. В начале августа того же года выехал в Сочи, а затем в Тбилиси.

Вопрос: С какой целью Вы туда выехали?

Ответ: Боясь быть арестованным денкинцами или же призванным к ним на службу, я выехал в Сочи и после болезни в ноябре 1919 г. переехал в Тбилиси, где находился до начала 1920 года.

Вопрос: Чем Вы занимались в Тбилиси?

Ответ: В Тбилиси я встретил своего знакомого по Полтаве купца Кучерявенко, который предложил мне работать у него помощником по хозяйственным делам. В конце мая 1920 г. консул петлюровского “правительства” в Тбилиси Красковский через Кучерявенко сделал мне предложение поступить к нему на работу бухгалтером, на что я согласился. Таким образом, одновременно с работой у купца Кучерявенко, я служил в консульстве “УНР” в Тбилиси. В начале декабря 1920 г. вместе с Кучерявенко я эмигрировал в Италию. [кінець с. 19, підпис Петренка, с. 20. – С. М.]. В конце декабря за границу выехали и все служащие консульства.

Вопрос: В каких политпартиях и организациях Вы состояли до эмиграции?

Ответ: Проживая в России, я в политпартиях и организациях не состоял.

Вопрос: Каковы причины Вашей эмиграции?

Ответ: В конце 1920 г. Красная Армия разбила основные силы вооруженной интервенции капиталистических стран. Так называемое правительство “Украинской Народной Республики” и его армии к тому времени потерпели полное поражение. На всей территории Украины была установлена Советская власть. Поэтому, боясь ответственности перед советской властью за свою службу в консульстве “УНР”, я бежал за границу.

Вопрос: Где Вы проживали и чем занимались за границей?

Ответ: В Италии я проживал около двух месяцев, затем переехал в Вену, а оттуда примерно через месяц, в марте 1921 г. выехал во Львов. Проживая во Львове, я в

течение года был артистом драматического театра¹³, но в связи с выездом театра из города перешел на кондитерскую фабрику и работал в разных должностях до 1926 г. С 1927 г. я стал администратором украинского националистического общества “Просвита”, занимавшегося издательством и распространением среди украинского населения литературы националистического содержания. В мои функции входило обеспечение издания литературы и ее рассылка подписчикам. [кінець с. 20, підпис Петренка, с. 21. – С. М.]. В этой должности работал до сентября 1939 года.

Вопрос: Членом какой организации вы являлись, проживая в Польше?

Ответ: В Польше я был членом “Украинского Допомогового Комитета” и украинского националистического общества “Просвита”. В организацию “УДК” вступил в 1925 г., а членом “Просвиты” состоял с 1927 г., т. е. со дня поступления туда на работу.

Вопрос: Расскажите о создании контрреволюционной организации “УДК”.

Ответ: В конце 1920 г. останки разбитых Красной Армией петлюровских частей и чиновники правительства “Украинской Народной Республики” бежали за границу, где приступили к созданию организаций, которые были бы способные не только объединить и сохранить кадры белоэмигрантов, но и подготовить их для вооруженной борьбы против Советского Союза. Целью этой борьбы ставилось отторжение Украины от СССР и установление на ее территории буржуазно-националистического строя. Такая организация под названием “Украинский Допомоговый Комитет” была создана в Польше в 1923 г. [...] [с. 27. – С. М.]. В мае 1926 г. меня назначили кассиром Львовского филиала “УДК”. В этой должности я работал до 1932 г., затем был избран заместителем председателя Управы “УДК” и выполнял эти функции до освобождения Западной Украины Красной Армией в 1939 г. Будучи заместителем председателя Львовского филиала “УДК”, я одновременно исполнял и должность администратора издательства при обществе “Просвита”. С сентября 1939 года и до нападения Германии на Советский Союз ни в каких организациях

не состоял. В ноябре 1942 года, проживая на временно оккупированной немцами территории во Львове, вступил в члены контрреволюционной организации “Украинский Центральный Комитет” – “УЦК” и работал там делопроизводителем отдела культурной работы до конца марта 1944 года.

Вопрос: Расскажите подробно о создании “Украинского Центрального Комитета”.

Ответ: В 1939 г., когда в Западной Украине была установлена Советская Власть, враждебно настроенные к Советскому Союзу лица и участники разных националистических организаций бежали на территорию так называемого “Польского Генерал-Губернаторства” и создали там новую антисоветскую организацию, именованную “Украинским Центральным Комитетом”. Ее членами могли являться и лица украинской национальности, проживающие на территории польского Генерал-Губернаторства. [кінець с. 27, підпис Петренка, с. 28. – С. М.]. Идеологом и создателем этой организации являлся профессор Краковского университета – Кубиевич Владимир, 48–50 лет, в прошлом служил в Украинской Галицкой Армии, преподавал географию, проживая в Кракове. Последний, став на службу немецких оккупантов, надеялся при их помощи стать главою будущего украинского националистического государства. [...] Персональный отдел: в его функции входили приём и увольнение служащих в аппарате “УЦК” и связь с немецким “Арбайтцентром”, через который [кінець с. 28, підпис Петренка, с. 29. – С. М.] участников организации устраивали на работу. Руководил отделом Трач Иван, 50–52 лет, уроженец г. Коломыя, Станиславской обл. [очевидно, брат або родич В. Блавацького. – С. М.], его отец был председателем суда при бывших польских властях до 1939 года. Юридический подотдел входил в персональный отдел. Его задачей была защита участников “УЦК” и “УДК” перед немецкими властями. Во главе названного подотдела стоял Коновалец Мирон, 50 лет, уроженец Львовской области, сын попа, родной брат идеолога “ОУН” в Польше – Коновальца Евгена [...] [с. 34. – С. М.].

Вопрос: Какую контрреволюционную работу вы проводили как участник “УДК”?

Ответ: Состоя в организации “УДК” рядовым членом, систематически посещал сборища её членов, читал антисоветскую литературу и принимал участие [кінець с. 34, підпис Петренка, с. 35. – С. М.] во всех проводимых мероприятиях этой организации. В 1932 г. меня избрали заместителем председателя Управы Львовского филиала “УДК”. Работая в названной организации, я организовывал сборища участников “УДК”, на которых читались доклады клеветнического содержания против Советского Союза. Распространял националистическую литературу среди членов организации. В связи с оккупацией немцами Западной Украины в ноябре 1942 я вновь вступил в члены названного ранее “УЦК” и работал делопроизводителем культурно-просветительского отдела руководящего ядра этой организации. В мои функции входила переписка с отделами, рассылка националистической литературы в подчиненные комитеты. Служба в “УЦК” продолжалась до марта 1944 г., то есть до момента моей эвакуации из Львова с отступающими немцами. В марте 1944 г. в связи с болезнью работу там прекратил и до задержания в г. Вене никакой деятельности не проводил.

Вопрос: Что послужило причиной Вашей эвакуации из Львова в марте 1944 г.?

Ответ: Как служащий “УЦК”, по предложению руководства организации я выехал вместе с другими членами, так как к тому времени к Львову подходили части Красной Армии. Сначала выехал в м. Криницы [йдеться про м. Криниця на Лемківщині, тепер Польща. – С. М.], где заболел и по собственному желанию выехал в Вену на лечение.

Записано с моих слов верно, мне прочитано [підпис Петренка. – С. М.].

Допросил: ст. следователь 2-го отд[еления]-я 4-го отдела “Смерш” Укр[аинского] фронта капитан Гончар”.

З наведених фрагментів постає надзвичайно діяльна і цілісна натура, відкриваються цікаві факти з долотівського періоду праці.

“Це була людина велетенської будови (7 футів росту) і душевної доброти”, – згадує у листі до авторки цієї статті від 22 грудня 2005 р. Валеріан Ревуцький. Наразі нам не

вдалося встановити точної дати смерті першого директора ЛОТу, а саме дня й місяця. У зазначених документах вони відсутні: ймовірно, помер він самотнім. У цитованій кримінальній справі долучено довідку з ЖЕКу, де написано, що ніякого “майна, підлягаючого описові, нема” у “засудженого”. Цей факт ще більше вивищує дух Андрія Петренка. Йому й слово.

“До июля месяца 1941 года я работал главным администратором театра имени Леси Украинки в гор. Львове и одновременно исполнял должность начальника снабжения строительства этого театра. [кінець с. 42, підпис Петренка, зворот с. 42. – С. М.]

С июля 1941 г., т. е. уже с приходом во Львов немецких оккупантов, на общем собрании работников театра я был единогласно избран директором Львовского оперного театра. Моими заместителями были избраны: Блавацкий (Трач) Владимир Иванович¹⁴, художественный руководитель, и Сорока Петр Степанович¹⁵, режиссер театра. Протокол решения этого собрания был направлен в горуправу на утверждение, и в тот же день городским головой, доктором Полянским Юрием Ивановичем он был утверждён. Директором оперного театра я проработал до 30 июня 1942 г., после чего от этой должности был освобождён в связи с тем, что на мое место был назначен немец (фамилию его я не помню)¹⁶”.

“На протяжении четырех месяцев я был безработным. Затем меня вызвали в бюро регистрации безработных и предложили должность управляющего именем возле города Судова Вишня, от которой я категорически отказался. После этого мне было предложено поступить куда-либо на работу, ибо [кінець звороту с. 42, підпис Петренка, с. 43. – С. М.] в противном случае я буду направлен в Германию. Первого ноября 1942 г. я поступил на работу в качестве делопроизводителя отдела просвещения в Украинский Центральный Комитет гор. Львова. Одновременно я заведывал книжным магазином, принадлежащим отделу просвещения. В этой должности я проработал до 22 марта 1944 года, а затем Украинским Центральным Комитетом (УЦК) был направлен заведующим библиотекой в местечко Криница

Краковського воеводства (Польща). По приїзді в Криницю я тяжело заболів і до 22 квітня пролежав в постелі. Оскільки Криниця являється курортним місцем, я, по призначенню лікаря Савчак, користувався курортним лікуванням до серпня 1944 року. Завдання зав. бібліотекою я, по випадку хвороби, не прийняв, і все це час перебував на своїх особистих засобах. В серпні місяці по ходатайстві відділення УЦК в Криниці мені був виданий німцями пропуск на право поїздки в Чехословаччину [кінець с. 43, підпис Петренка, зворот с. 43. – С. М.] для лікування на курорті Песчаное. Однак на цей курорт мені потрапити не вдалося, т[ак] к[ак] проїхав приблизно 30 кілометрів від польської межі, я був затриманий чехословацькою жандармерією, яка хотіла направити мене в табір. В цей час я випадково зустрів інспектора організаційного відділу Українського Центрального Комітету Левицького (імені і батьківства не знаю)¹⁷, до якого я звернувся за допомогою, щоб він не дозволив відправлення мене в табір. У Левицького був документ на ім'я якогось громадянина з правом виїздки в місто Вену. Зачеркнувши прізвище цього громадянина, Левицький написав моє прізвище і передав цей документ мені. З цим документом я приїхав в місто Вену 30 серпня 1944 року. По приїзді в Вену я звернувся в відділ Українського Центрального Комітету, після чого, як хворого, мене направили в дім притуку бідних, в якому я перебував до 21 січня 1945 року, т. є. до дня, [кінець звороту с. 43, підпис Петренка, с. 44. – С. М.] коли цей дім був знищений англо-американською авіацією. Після цього я оселився в особистій квартирі і жив до 6 травня 1945 року. Від відділу УЦК я отримав картки на хліб і продукти. 6 травня 1945 року я, як беглець і співробітник Комітету, був затриманий органами Радянської контррозвідки "Смерш" і в кінці червня був доставлений в місто Львів, в відділ контррозвідки "Смерш". Далі я був переданий для подальшого слідства в УМГБ Львівської області, звідки приблизно 9–10 липня 1945 року був звільнений. [Підпис Петренка. – С. М.]. Допит почав в 20⁰⁰; 23. 08. 1947. Допит перерваний в 1⁴⁵".

Найбільш цінними, на наш погляд, є факти внутрішньо-театральної, закулісної або неофіційної частини взаємовідносин німецької окупаційної влади та українських керівників ЛОТу, що містяться на 44–45 сторінках цитованої справи.

Вопрос: Во время Вашей работы директором оперного театра приходилось ли Вам встречаться с работниками Гестапо?

Ответ: Примерно в августе или сентябре [кінець с. 44, підпис Петренка, зворот с. 44. – С. М.] 1941 года я и Блавацкий были вызваны в управление Гестапо по ул. Пальчинского (в здание, где ныне находится УМГБ). Мы были приняты работником Гестапо майором Шенк, в ведении которого находились все культурно-просветительские учреждения гор. Львова. Здесь же присутствовал заместитель Шенка капитан Кнорр (имени и отчества не знаю) и сотрудник Гестапо, местный украинец Дурбак. Пробыли мы у Шенка более двух часов. Вопрос шёл о репертуаре театра, нет ли в репертуаре советских пьес, кто из артистов остался в театре. Здесь же Шенк потребовал список сотрудников театра, который через Дурбака ему был передан на третий день после нашей беседы. О составлении этого списка мной лично было дано распоряжение секретарю театра Мусию Роману Федоровичу. Второй раз я был вызван в управление Гестапо зимой 1942 года, где имел беседу с капитаном Кнорр. Кнорр потребовал от меня объяснение, почему я держу в театре еврея Шталь, который работал [кінець звороту с. 44, підпис Петренка, с. 45. – С. М.] заведующим сценой. Я ответил, что Шталь является хорошим специалистом и что в своём деле он является незаменимым человеком. Однако, несмотря на это, Кнорр предложил мне немедленно убрать Шталь, что мной и было сделано. Впоследствии я очень часто встречался с Кнорр как в своём театре, так и в клубе по ул. 17 вересня. При этом клубе был ресторан, который посещал Кнорр. Я в этом ресторане столовался и поэтому зачастую обедал вместе с Кнорр за одним столом, выпивал с ним и т. д. С Шенком я встречался реже, однако несколько раз приходилось с ним вместе обедать и выпивать в этом же клубе"¹⁸.

Зрозуміло: пильні радянські слідчі розцінили випадкові зустрічі в ресторані як “співпрацю” з Гестапо. Тому цей факт слідством активно мусується на допитах. Петренко, зрозуміло, заперечує те, чого не було.

“Майор Шенк и капитан Кнорр интересовались репертуаром театра, нашими планами на будущее, артистами театра, в том смысле, что местные они или приезжие, какие советские артисты остались в театре. После беседы Шенк предложил мне представить ему список артистов театра с указанием фамилий, имени, отчества, года рождения, откуда родом – местные или приезжие с Востока. Такой список был ему предоставлен спустя три дня после беседы через служившего в Гестапо некоего Дурбака, о судьбе которого мне ничего не известно. Беседы с указанными сотрудниками Гестапо на какие-либо другие темы я не вел.

Вопрос: Часто после этого Вы встречались с майором Шенк и капитаном Кнорр?

Ответ: Официально в Гестапо я вызывался второй раз зимой 1942 года по вопросу необходимости увольнения из театра [кінець с. 54, підпис Петренка, с. 55. – С. М.] заведующего сценой, еврея по национальности, Шталь, о чем я показал ранее. Так, приходилось часто встречаться с капитаном Кнорр в клубе по ул. 17 вересня, где я столовался, даже с майором Шенк, в некоторых случаях вместе выпивали за обедом. Эти встречи носили чисто случайный характер. Бесед на политические темы не вели, кроме этого, могу дополнить, что наедине с ними я никогда не был, так как не знал немецкого языка, а они – украинского, и мы не могли совместно вести разговор.

Вопрос: Следствие располагает данными, что Вы состояли на связи у сотрудника Гестапо Кнорр в качестве секретного осведомителя. Следствие требует от Вас правдивых показаний по этому вопросу.

Ответ: Я на связи у сотрудника Гестапо капитана Кнорр в качестве секретного осведомителя не состоял. Не зная немецкого языка, я не мог состоять у него на связи, мы не могли бы с ним говорить, а через переводчика я никогда не пошел бы на это. Мои показания по этому вопросу соответствуют действительности.

Вопрос: Вы настаиваете на этом?

Ответ: Да, на этих показаниях по вопросу моей встречи с сотрудниками Гестапо я настаиваю, так как они правильны. [кінець с. 55, підпис Петренка, с. 56. – С. М.]

Вопрос: Вы имели родственников?

Ответ: Никого из родственников я не имею.

Вопрос: Назовите родственников, которые были у Вас?

Ответ: У меня из родственников были: Отец – Петренко Аврам, в 1922 году умер. Мать – Петренко Агрипина, умерла в 1918 году. Сестер у меня не было. Был ещё один брат Никон, 1880 года рождения, последний умер на военной службе в 1906 году в связи с ранениями, полученными в русско-японской войне.

Допрос начат в 22⁰⁰. Прерван в 2 ч. 05 мин. Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан вслух. В чём и расписываюсь. [підпис А. Петренка. – С. М.]

Ст. следователь – ст. лейтенант Дубцов¹⁹.

Надзавдання слідства було очевидним: довести факт “співпраці” Петренка з німцями. Оскільки ані доказів, ані свідчень не вдавалося знайти, у хід пішла вигадана версія. О 23 год. 50 хв. слідчі пропонують нове темне звинувачення. Формулюється воно так.

“Вопрос: Какое лично принадлежащее Вам имущество Вы имеете на квартире, где проживаете?

Ответ: До ареста я проживал по улице М. Кривоноса, дом. 35, кв. 6, у гражданки Сосновской Марии, 79 лет. Никакого имущества и ценностей не имею. Все, что я имею, находится при мне. Постельные принадлежности также не были моими.

Вопрос: Какие ценности или имущество вы хранили на месте работы в библиотеке АН УССР?

Ответ: Никаких ценностей или имущества я по месту работы в библиотеке АН УССР не хранил по той же причине, как указал выше, за отсутствием такового.

Вопрос: А денежные средства советскими госзнаками Вы хранили в библиотеке?

Ответ: Никакими денежными средствами я не располагал и не располагаю [кінець с. 67, підпис Петренка, с. 68. – С. М.] и

заявляю, что деньги советскими госзнаками я в библиотеке не хранил.

Вопрос: При проверке книг в библиотеке, где Вы работали, обнаружена некоторая сумма денег советскими госзнаками. Что Вы можете сказать по этому вопросу?

Ответ: Я уже показал, что работал старшим библиотекарем библиотеки Львовского филиала академии наук УССР по ул. Б.Хмельницкого, 36, личных денежных сбережений не имею. Поэтому, если и найдены в библиотеке деньги, они мне не принадлежат. Перед приемом библиотеки последняя длительное время находилась на замке, принимая библиотеку, я книг не проверял. Таким образом, кому принадлежат найденные в библиотеке деньги, я не знаю²⁰.

На наступному допиті слідчий знову торкається теми зустрічі нового 1942 року в приміщенні, де тепер розташований театр ім. М. Заньковецької.

Вопрос: Кто выступал на этом вечере?

Ответ: На этом вечере по случаю встречи нового года выступали: первым выступил я, затем Паньківський²¹, имя-отчества не знаю, который до этого переводил мое выступление, он выехал вместе с немцами, после нашего выступления стали напитки, затем же, выпивши, выступали Райш, полковник Бизанц и еще два или три немца.

Вопрос: Расскажите о содержании выступления, в частности, лично своего выступления?

Ответ: Содержание выступлений всех без исключения немцев сводилось к расхваливанию немецкой армии, о ее победах. Мое выступление свелось к следующему: я поздравил присутствующих гостей, в данном случае немцев, и присутствующих артистов с наступающим новым годом, кроме этого, обращаясь к присутствующим, я сказал: "Вспомним те тяжелые годы в прошлом, когда нам не приходилось так встречать новый год. На своей украинской земле мы не имели украинского театра, а ездили из села в село, и то с ласки коменданта полиции". Больше я ни о чем не сказал. Мое выступление было переведено переводчиком [кінець с. 73, підпис Петренка, с. 74. – С. М.].

Вопрос: Кроме того, Вам приходилось

выступать в присутствии немцев и своих артистов?

Ответ: Да, в мае 1942 года, в помещении теперешнего Обкома партии по ул. Советской, тем же Райшем был устроен второй вечер по случаю приезда во Львов некоторых директоров немецких театров, в том числе директора Берлинского театра. На этом вечере из артистов присутствовали Блавацкий, ряд других артистов, которые владели исполнением немецких вещей, в основном солисты, фамилии их не помню. С немецкой стороны присутствовали: Райш и директора немецких театров. Причем должен сказать, что как раз к этому времени хотели организовать во Львове немецкий театр, для чего подбирали артистов. После выступления артистов на этом вечере один или два немца выступили в том смысле, что они не ожидали таких [кінець с. 74, підпис А. Петренка, с. 75. – С. М.] талантливых исполнителей среди украинских артистов [курсив мій. – С. М.], похвалили за хорошее исполнение. Затем выступили Блавацкий и Райш, а после него, как директор театра, взял слово я. В своем коротком выступлении я поблагодарил немцев за ту оценку, которую они дали артистам украинского театра и пояснил о тяжелых условиях, в которых до немцев работали артисты – украинцы (ці справедливі, але не вигідні радянським слідчим зізнання А. Петренка стали підставою для звинувачення у співпраці з німцями, [курсив мій. – С. М.], т. е. повторил вторую часть своего выступления на первом вечере по случаю встречи нового года, о чем я показал выше.

Вопрос: Какие антисоветские высказывания были Вами приведены при выступлении?

Ответ: Антисоветских высказываний я в своем выступлении не приводил. Я только, как в первом, так и во втором выступлении, подчеркивал, что в прошлом, значит, до прихода немцев, на своей украинской земле украинцы не имели своего театра". Допрос начат в 21³⁰. Окончен в 14⁵".

Виділене тут останнє речення було підкреслене у справі слідчим, очевидно, як найбільше звинувачення проти А. Петренка: мовляв, як це окупанти німці дали україн-

ському театрові в Галичині більше творчої свободи, аніж Польща чи радянська влада?!

Дуже важливим свідченням є також виписка із протоколу допиту Герберта Кнорра, військовополоненого радянськими військами, 28 червня 1947 р. з м. Сталіно [с. 80–81. – С. М.].

“Вопрос: Вы 2 июня 1947 года на допросе показали, что Вами в начале января 1942 года был завербован житель города Львова Петренко. Уточните, когда был завербован, где, и его практическая деятельность?

Ответ: Как я указал ранее на допросе, Петренко (имя и отчество не помню), мною завербован в начале января месяца 1942 года. Завербован мною лично в одной из комнат оперного театра. Вербовал через переводчика моего отдела Дурбак Йогана. Подписка, как правило, от граждан оккупированных территорий не отбиралась, за исключением только немцев. Причину этому я точно объяснить не могу, но было, кажется, на этот счет указание, и указывалось, чтобы подпиской не отпугивать людей, так как очень многие боялись давать подписки. Псевдонимы также не давались. Псевдонимы давались только агентам, которые работали в гестапо. Моя агентура и Петренко на донесениях подписывали фамилию, но эти донесения хранились и не подлежали разглашению, как совершенно секретные документы. Цель вербовки Петренко была следующая: Петренко до вербовки работал заместителем директора театра города Львова [йдеться про Драматичний театр ім. Лесі Українки у Львові 1940–1941 рр. – С. М.], где работал до оккупации. Имел авторитет и большие связи среди работников искусства и интеллигенции города, а поэтому был завербован для освещения и выявления настроений интеллигенции по отношению к проводимой политике Германии на Украине. В работе Петренко был инициативен, а выполнял только даваемые мною задания и сообщал, как население и работники театра в основном реагировали на проводимую работу в театре на немецком языке. Нужно сказать, что на основании имеющихся данных в СД Петренко характеризовался как один из сторонников Бендеры [так у тексті: через “е” – С. М.], где на

одной из вечеринок высказывал в пользу бендеровцев, что не отражало политику, проводимую немцами, так как бендеровцы ставили своей целью создание самостоятельной Украины, без протектората Германии. После вербовки Петренко был лично у меня на связи, за все время, а работал он вплоть до отступления немцев из города Львова, дал примерно 15 донесений, главным образом о настроении артистов и других лиц гор. Львова, с которыми ему приходилось встречаться. Конкретно проходящих по его данным сейчас не помню, но особого интереса его данные не заслуживали. Встречался я с Петренко в здании театра, в ресторане, казино и в других местах, в кино и т. п. Хочу сказать, что с ним также несколько раз встречался начальник Управления СД Галиции Шенк. При отступлении немцев из города Львова он остался там.

Вопрос: Петренко как агент получал материальную помощь от Вас?

Ответ: Денежные вознаграждения или другую помощь Петренко, как агент, от меня или от кого-либо другого не получал”²².

Уважний читач одразу зауважить певні розбіжності: німецький полонений говорить про агентурні функції директора ЛОТу до кінця окупації, тобто, до 1944 року. Проте відомо, що Андрій Аврамович Петренко був директором театру лише один сезон 1941–1942 рр. Отже, тут існує істотна розбіжність у датах і фактах. На сторінках 82–89 кримінальної справи П-32262 чз цього приводу містяться доповнення Герберта Кнорра, якого привезли 3 лютого 1948 р. до Львова як військовополоненого для свідчень.

“Вопрос: Являлся ли Петренко Вашим секретным осведомителем?

Ответ: В качестве секретного осведомителя Петренко у меня на связи не состоял и мною не вербовался. Я не пожелал его вербовать по причине того, что не владел украинским языком, а он не владел немецким. Мною как от директора оперного театра от Петренко были затребованы статистические данные на артистов театра с указанием данных фамилии, имени, отчества, национальность, о количестве зрителей, о количестве денежного сбора. Статистические данные подписывались Петренко и Бла-

вацким. Нас эти данные интересовали с той целью, чтобы знать вкусы зрителя и, с другой стороны, старались иметь состав артистов только по национальности украинцев. Такие данные представлялись нам ежемесячно, в некоторые месяцы такие данные приносил сам Петренко в распоряжение отдела СД, в другие я отбирал сам в его кабинете. Летом 1942 года Петренко из театра был уволен и по служебным делам я с ним не сталкивался. После этого я однажды встретил Петренко в одном из ресторанов города Львова, но никаких бесед я с ним не вел.

Вопрос: По каким причинам Петренко был уволен из театра?

Ответ: В январе 1942 года в помещении оперного театра руководителем пропаганды Райш был устроен вечер с распитием спиртных напитков, на котором присутствовал я, начальник отдела СД майор Шенк, руководитель отдела пропаганды на территории Галиции Райш, артисты оперного театра, в том числе и Петренко. На этом вечере выступал с речью Райш, содержание речи я точно не помню, но она была плохо выдержана, так как выступал выпивши. После него выступил Петренко, содержание его выступления в ясной форме было направлено на построение самостийной Украины: “мы, украинцы, будем бороться за построение самостийной Украины”. После этого, до июня 1942 года, мы изучали Петренко, а затем, как не внушающего доверия, из театра уволили [Курсив мій. – С. М.]²³. Ось у чому причина звільнення Петренка: німці боялися будь-яких проявів українського націоналізму не менше від радянських партійних ідеологів!

Вопрос: Какие другие данные Вы имели о националистической деятельности Петренко?

Ответ: От своих секретных осведомителей, кого именно, не помню, я получал данные о националистических высказываниях Петренко, однако о его практической деятельности в организации украинских националистов я данных не имел.

Вопрос: Вы ранее в протоколе допроса от 23 июня 1947 года показали, что Петренко лично Вами был завербован [кінець с. 87, підпис Г. Кнорра, с. 88. – С. М.] в январе

1942 года в качестве секретного сотрудника СД. Чем объяснить эти противоречия в Ваших показаниях?

Ответ: По-видимому, меня не понял на допросе 23 июня допрашивающий меня сотрудник, или это результат неправильного перевода переводчиком. Показания, данные мною в протоколе допроса от 23 июня 1947 года, относятся к Блавацкому, так же работавшему директором оперного театра, последний работал директором театра до дня освобождения города Львова советскими войсками. Петренко я не вербовал и на связи у меня он не состоял, моя связь с Петренко выразилась только в изложенном мною выше. В части того, что я в протоколе допроса от 23 июня 1947 г. характеризовал Петренко как украинского националиста, соответствует действительности [Курсив мій. – С. М.]. Трагічна помилка... Воїстину, класичний випадок з комою у вирокі “Казнить, нельзя помиловать”²⁴.

Вопрос: При чтении настоящего протокола Вы пожелали внести поправки. В чем именно?

Ответ: Вечер в январе 1942 года проводился не в помещении оперного театра, а в одном из ресторанов гор. Львова, названия которого я не помню, недалеко от театра. Вторая поправка заключается в том, что в настоящее время не могу утверждать, что Петренко лично приносил мне в отделение СД статистические данные о составе артистов театра, однако такой возможности не исключаю. Больше всего приносил эти данные Блавацкий”. [Кінець, с. 89, підпис Г. Кнорра, с. 89. – С. М.]²⁵.

Таку фатальну “помилку” (за класифікацією високого жанру трагедії), яку Герберт Кнорр (до його честі!) помітив і виправив у протоколі допиту, однак свідомо не врахувало слідство (тому цю справу, серед багатьох інших, сьогодні можемо розглядати у трагіфарсовому ключі ідеологічної системи). Відомо: радянське правосуддя не помилялось. Це коштувало А. Петренкові тюремного ув’язнення. І хоча по справі Петренка допитували численні нових “свідків” – колишніх працівників ЛОТу: заарештованого Йосипа Стадника, Олену Горницьку, Петра Сороку (кримінальні справи яких на той час нам

вдалося розшукати та частково опублікувати), але ніхто не підтвердив факту співпраці А.Петренка з німцями. Давав, зокрема, свідчення і заслужений артист УРСР Іван Рубчак. Їх відповіді прояснили, однак, імовірну причину звільнення з посади А. Петренка. Ось що говорив І. Рубчак: “По слухам от артистов, кого не помню, мне известно, что Блавацкий, бежавший с немецкими войсками, работавший тогда директором по художественной части театра, был в плохих взаимоотношениях с Петренко, имел близкие связи с немецкими войсками, в частности с Гестапо, он добился увольнения из театра Петренко”²⁶. Це ж підтвердила й Ніна Лесновська, помічник режисера ЛОТу²⁷.

Але, на жаль, їх докази не пом'якшили вироку підсудному, вже хворої і немолодої людини. І хоча в жодному з пред'явлених радянським слідством звинувачень А. Петренко не визнав себе винним, а єдиний свідок Г. Кнорр підтвердив, що на зв'язку з німцями насправді був директор В. Блавацький, а не А. Петренко, радянське судочинство було невблаганним. Каральна машина запущена: Андрій Петренко у 1948 р. був звинувачений за статтями 54-1 “а” та 54-11 УК УРСР і висланий для відбуття покарання терміном на 5 років у виправно-трудові табори “Пешлагу” “без конфіскації имуществва за отсутствием такового”²⁸.

У обвинувальному висновку зазначалось “вещественных доказательств по делу нет”. До речі, впродовж слідства Андрій Петренко жодним негативним словом чи натяком не згадав Володимира Блавацького!

Згідно з Законом УРСР від 19 квітня 1991 р. “Про реабілітацію жертв політичних репресій” Андрій Аврамович Петренко помертньо (помер у Львові 1957 р.) був реабілітований. У цитованій тут кримінальній справі П-32262, яка зберігається у Державному архіві Львівської області, немає довідки про дату смерті та місця його поховання. Наші пошуки не привели наразі до з'ясування цього факту. У цитованій справі вказано лише дату звільнення із заслання – 25 квітня 1953 року²⁹.

Отже, сезон 1941–1942 рр. Андрій Петренко працював в Українському театрі міста Львова – Львівському оперному театрі ди-

ректором. Чотири роки (1953–1957) прожив після звільнення з радянських концтаборів.

Запропонований тут матеріал – перша спроба повернути в історичний та культурний контекст України ім'я одного із навмисне “забутих” радянською історіографією діячів української культури першої половини ХХ ст., жертв політичних репресій та культурного геноциду.

¹ Саме такою була перша назва театру, яку після приєднання Галичини до Генерального губернаторства восени 1941 р. німецька адміністрація змінила на іншу – Львівський оперний театр (далі ЛОТ).

² Івасівка М. “Український Оперний Театр” у Львові // Наш театр. Книга Діячів Українського Театрального Мистецтва. – Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1975. – Т. 1. – С. 326.

³ Дорошенко В. Андрій Петренко // Наш театр. – Книга діячів Українського театрального мистецтва. – Нью-Йорк; Париж; Сідней; Торонто, 1992. – Т. 2. – С. 137.

⁴ Ревуцький В. В орбіті світового театру. – К.; Харків; Нью-Йорк, 1995. – С. 42.

⁵ Дорошенко В. Зазнач. праця. – С. 137.

⁶ Івасівка М. Зазнач. праця. – С. 326.

⁷ Козак Б. Палімпсест українського “Гамлета”: переклад і прапрем'єра 1943 року // Вісник Львівського університету. Серія мистецтвознавство. – 2003. – Вип. 3. – С. 65.

⁸ Тут і далі цитуємо кримінальну справу А. Петренка (Зберігається в ДАЛО. – П-32262. – С. 115.

⁹ Там само. – С. 118, 119.

¹⁰ Так в оригіналі документа – з великої літери (дуже ввічливо!).

¹¹ У Києві Комітет українського національного театру за часів Української Центральної Ради та Театральна Рада за часів гетьманату П. Скоропадського вживали заходів до організації постійних українських театрів у всіх губернських центрах та інших великих містах України. Про це див.: Леоненко Р. Перші українські державні театри: 1917–1919 роки // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Л., 1999. – Т. 237. – С. 137.

¹² Частина 2-ї Української радянської дивізії зайняла Полтаву 19 січня 1919 року.

¹³ Від липня до жовтня 1921 р. у Львові виступав Український Незалежний Театр за тричленної управи М. Бенцалю, Я. Ясень-Ясенка та Г. Нички, а від 8 жовтня 1921 р. до 15 травня 1922 р. – Український народний театр товариства “Українська бесіда” під артистичним провідом О. Загорова і за дирекцією Й. Стадника. Відомо, що у виставі “Ясні зорі” Б. Грінченка (прем'єра – 1.11.1921) А. Петренко зіграв роль Алі-Баші (А. Г. [Головка Андрій] “Ясні зорі”: драма на 5 дій Б. Грінченка // Вперед. – 1921. – 4 листопада). Цей факт узятो з монографії: Боньковська О. Львівський театр Товариства “Українська бесіда”: 1915–1924. – Л., 2003. – С. 225.

¹⁴ Володимир Блавацький, справжнє прізвище Трач (1900–1953) – актор, режисер, організатор театральної справи, директор та мистецький керівник ЛОТу (1942–1944). У 1944 р. емігрував закордон. Помер у Філадельфії (США).

¹⁵ Сорока Петро Степанович (1891–1950) – актор, режисер, організатор театральної справи. Був виселений зі Львова у 1947 р., засуджений на 25 р. позбавлення волі. Помер у Анжеро-Суженську Кемеровської обл. (Росія).

¹⁶ Насправді це був Фріц Вайдліх – диригент, якого німці призначили музичним директором ЛОТу (диригував окремі опери та концерти для німецького глядача, працював тут від серпня 1942 р. до вересня 1943 р.). Отже, до появи німецького директора Вайдліха, від червня до серпня 1942 р. минуло три місяці.

¹⁷ Можливо, йдеться про Северина Левицького (1890–1962), який у 1941–1945 рр. працював у си-

стемі УЦК керівником відділу молоді та був головою Об'єднання праці вчителів?

¹⁸ Цитована справа. – С. 45.

¹⁹ Там само. – С. 56.

²⁰ Там само. – С. 68.

²¹ Кость Паньківський (1907–1973) – адвокат, видатний політичний діяч, генеральний секретар Української Національної Ради у Львові (1941), заступник голови Українського Центрального Комітету 1942–1945 (Енциклопедія українознавства. Л., 1996. – Т. 5. – С. 1939. – С. М.).

²² Цитована справа. – С. 68.

²³ Там само. – С. 87.

²⁴ Там само. – С. 88.

²⁵ Там само. – С. 89.

²⁶ Там само. – С. 100.

²⁷ Там само. – С. 102.

²⁹ Там само. – С. 113.

SUMMARY

The peculiarities of the work of cultural institutions within the period of the World War II have been reproduced as well as the nature of the socio-political situation of West Ukrainian lands of the mentioned period has

been revealed on the ground of the fragments of the criminal case of Andriy Petrenko (1881–1957), the first director of the Ukrainian theatre of the city of Lviv – Lviv opera house (1941–1944).